

ТРАДИЦИОННОЕ ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ У ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРОВ И НИВХОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕРЕДИНЫ XIX–XX ВВ).

Roman GVOZDEV ¹

Роман Витальевич ГВОЗДЕВ

АННОТАЦИЯ

В статье приведены данные по вооружению охотника, рыболова, воина и элементам военной подготовки. Особое внимание уделено особенностям оружия ближнего боя тунгусо-маньчжуров (эвенков, нанайцев, удегейцев, ульчей, орочей, негидальцев, ороков) и нивхов.

Ключевые слова: вооружение, воинские искусства, традиционная культура.

Gvozdev, Roman. "Tradicionnoe Oruzhie Blizhnego Boja u Tunguso-Manchzhurov i Nivhov (Po Materialam Serediny XIX–XX vv)". *Siberian Studies (SAD)* 2.4 (2014): 63-79.

Gvozdev, R. (2014). Tradicionnoe Oruzhie Blizhnego Boja u Tunguso-Manchzhurov i Nivhov (Po Materialam Serediny XIX–XX vv). *Siberian Studies (SAD)*, 2 (4), s.63-79.

¹ PhD. Junior Researcher, Federal State Institution of Science Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East. Гвоздев Роман Витальевич, к.и.н., мл. н. с. Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 690001, Россия, г. Владивосток, Vladivostok, RUSSIA, groma (at) inbox.ru.

MELEE WEAPONS OF THE TUNGUS-MANCHU AND NIVKH (ON MATERIALS OF MIDDLE XIX–XX CENTURIES)

ABSTRACT

In the article the information is presented about arms of hunter, fisher, warrior and the elements of military training. Special attention is paid to the peculiarities of melee weapons of Tungus-Manchu (Evenki, Nanai, Udege, Ulcha, Oroch, Negidal, Orok) and Nivkh.

Keywords: arms, military arts, traditional culture.

В основе воинских навыков тунгусо-маньчжуров и нивхов лежала хозяйственная деятельность. Мужчина прежде всего являлся охотником и лишь затем – воином. Влияние охоты можно проследить не только на элементах подготовки воина, но и на тактике военных действий. Общее между военными действиями и охотой нашло отражение в различных играх и состязаниях народов Сибири и Дальнего Востока. Существовали особые методы воспитания воина: искусство стрельбы из лука и уклонения от стрел, различные виды фехтования, борьба. Боевое и охотничье оружие фактически представляло одни и те же образцы, хотя бывали и исключения.

Как известно, у тунгусо-маньчжуров отсутствовала категория профессиональных воинов. И всё же существовала некоторая специализация в обучении воинским навыкам. В преданиях разных народов отражены эпизоды, указывающие на то, что их воины специализировались в определенных видах боевых искусств, особенно в периоды подготовки к сражениям. Так, у эвенков: «В крепости были те, что из луков метко стреляли. Они отдельно были. Потом копыеносцы были. Их отдельно учили. Были, которые ловко маут-аркан умели на врага набрасывать» (Воскобойников, 1965: 16).

Комплекс вооружения тунгусо-маньчжуров разделяется на оружие ближнего и дальнего боя. Последовательность обучения приемам владения холодным оружием была связана с охотой. Сначала осваивалось оружие дальнего боя, только после этого переходили к оружию ближнего боя. Основными орудиями промысла у тунгусов были лук со стрелами, пика и пальма. К оружию ближнего боя относятся: копьё, пальма, меч, нож. Холодное оружие подразделялось на колющее и рубяще-режущее. К группе колющего оружия принадлежит копьё, к рубяще-режущему — пальма, меч, сабля, стальной нож. Самым распространённым оружием ближнего боя у тунгусо-маньчжуров было копьё (пика) и пальма, что неудивительно, так как эти виды оружия широко использовались при охоте на крупного зверя и в хозяйственных нуждах.

Копьё является в принципе одним из наиболее распространённых видов охотничьего оружия в мире. Копьё тунгусо-маньчжуров и нивхов имеет деревянное древко около 1,5 м длиной с насаженным на него обоюдоострым железным наконечником. Термин *гида*, употреблявшийся для обозначения копья, встречался у эвенков, удэгейцев, нанайцев, негидальцев, орочей, ульчей, ороков (Сравнительный словарь ..., 1975: 148—149). Этим же словом обозначалось копьё и чжурчжэней (Сравнительный словарь ..., 1975: 149). У тюрков оно называется *чида*. Явное сходство этих слов — свидетельство этнокультурных связей между народами (Бутанаев, 2004: 16). На охоте это

оружие применяли на крупного зверя. В поединках умудрённые опытом охотники упирали основание древка копьа под углом в землю, придерживая ступнёй. Медведь фактически сам убивал себя, наваливаясь всем телом на остриё.

Вероятно, что подобные приёмы могли употреблять во время военных действий. У тунгусо-манчжуров и нивхов копьё имеет свои характерные региональные особенности (Рис. 1). Это оружие высоко ценилось: наконечник копьа инкрустировался латуной или медью в виде традиционного растительного орнамента. До начала схватки со зверем лезвие копьа было защищено своеобразным деревянным чехлом. (Рис. 2)

У народов Сибири и Дальнего Востока существовали специальные комплексы упражнений с копьем, несколько напоминавшие японские *ката*, но в отличие от последних они не были систематизированы. Набор движений зависел от индивидуальной манеры владения копьем. Другими словами, имела место сплошная импровизация: сегодня — так, завтра — иначе. Но при тренировке в паре последовательность движений заранее оговаривалась, а ритм движений ускорялся постепенно. Так и в наше время происходит фехтование на палках у нанайцев, ульчей и других народов.

В процессе тренинга с копьем некоторые воины привязывали к кистям небольшие мешочки с камешками. Различные упражнения с копьем они выполняли на бегу: наносили тычки в разные стороны; тычком в землю поднимали на острие пучки травы, сучья и другие предметы; практиковали также метание копьа в цель; учились уклоняться от брошенного копьа, перехватывать его на лету и тут же бросать обратно. Согласно преданиям, воин-мститель перед тем как выйти на бой, много раз подряд протыкал копьем изготовленное им чучело, доводя себя до состояния ярости.

Большое практическое значение в овладении техникой работы копьем имели различные игры «в охоту», например, у удэгейцев игра в медвежью охоту — *мафагасинзи гусити* — описывается следующим образом:

Вместо копьа игрок колет «медведя» деревянной рогатиной. А медведь, мальчик покрепче, надевал медвежью шкуру. Два мальчика, схватив рогатины, вызывают «медведя» из берлоги с криком: «Хо-хо-хо-хо-хо!» Сердят «медведя», пихая спящего «медведя» копьами. Один мальчик колет копьем, а другой стоит с копьем наготове. «Медведь» просыпается и, рассердившись, бросается на охотников. Один из мальчиков «колет» его копьем: засовывает свою рогатину ему за пояс. И другой мальчик «колет». Толкают друг друга, кто кого сильней. «Медведь» сильней окажется, он толкает, мальчики сильней окажутся — они «медведя» толкают. «Медведь»

пытается сломать у них копыя. Если они начнут одолевать «медведя», то придавят его к земле. Если «медведь» одолеет, он будет царапать людей когтями и валить на землю. Играя в медвежью охоту, мерились силами. Играя в охоту на кабана, мальчики колют «кабана» копыями. Человек-кабан должен очень быстро бежать за охотником. А охотник, как только тот станет на него нападать, должен ударить копыем, он должен быстро реагировать. Если не успеет, человек-кабан схватит охотника руками за ноги и с силой потянет, чтобы свалить охотника. Если охотник окажется сильней, то быстро ударит «кабана» копыем и повалит его на землю (Фольклор удэгейцев ..., 1998: 303).

Для закрепления полученных навыков у нанайских юношей практиковалась схватка с настоящим кабаном-секачом. Участвовали пять человек. Существовало особое построение: спереди стоял один юноша, за ним ещё двое подростков, их страховали сзади ещё двое. Кабан бросался на первого участника. В этот момент он должен был отскочить за пень, пропуская секача. В бой тогда вступали стоявшие за ним два охотника. Двое оставшихся страховали их и участвовали в добивании. Схватка была минутной и молниеносной, так как секач не сходит с пути и продолжает атаковать до последнего (Киле, 1993: 130—131).

Навыки, выработанные на тренировках, проверялись во время учебных и состязательных поединков:

Несколько воинов начали состязания на копыях, они по-прежнему были одеты в свои травяные панцири, мешавшие быстроте движений, тяжело наступали друг на друга, нанося и отбивая удары и постепенно приходя в иступление... Роговые наконечники стучали о березовые древки; уже не один удачный выпад поразил толстую травяную плетенку, которая была так крепка, что безопасно выносила самые сильные удары (Богораз-Тан, 1961: 62—63).

Подобные состязания с копыем проходили у тунгусо-маньчжуров и нивхов ещё в середине XIX в., но затем постепенно исчезли. Техника работы копыем включала в себя отбивы (парирование), выпады и удары на выпад с хватом копыя одной и двумя руками, опускание на одно колено.

Применение копыя у народов Сибири и Дальнего Востока характеризовалось высокой точностью ударов: «Долгий опыт научил лучшим и быстрейшим методам лишать людей жизни, и они часто объясняли нам, как различно можно убить человека, и указывали на те места в теле, в которые достаточно было вонзить нож или пику, чтоб произвести мгновенную смерть» (Манздяк, 2002: 255). Это обусловлено тем, что традиции формирования воинских навыков пришли из охоты. Охотник обязан был хорошо знать уязвимые места у зверя, дабы наиболее эффективно применять оружие.

Эвенкийские воины во время сражения стремились, прежде всего, поразить копьём печень противника, так как, согласно их представлениям, именно этот орган считался наиболее важным у человека:

Смертоносные свои копыя схватили,

Ринулись навстречу друг другу,

Нацеливаясь в середину

Черной печени (Манздяк, 2002: 255).

Фехтование копьём *пой-гылатыркын* воин осваивал с раннего возраста и не прекращал это занятие до преклонных лет. В чукотских героических повествованиях «вести времен войны *акалы-леткин пынылтэ* говорится, что следовало размахивать копьём с такой силой, чтобы оно гнулось, словно пучок сырой оленьей шкуры» (Богораз, 1934: 186—187).

Воины Сибири и Дальнего Востока не умели сражаться сомкнутыми рядами, их групповые столкновения превращались во множество парных поединков, происходивших одновременно. С учетом примерно одинакового уровня технической подготовки противников такие поединки с копьёми в руках представляли собой состязания не столько в технике, сколько в выносливости. Чаще всего решающий удар удавалось нанести только после того, как было выбито копьё из рук соперника или когда враг падал на землю. У нивхов известна такая форма поединка, где соперники поочередно либо одновременно метали копыя друг в друга. У некоторых народов копейный поединок приобрел форму ритуала. В айнском фольклоре встречается описание поединка, в котором «...соперники обхватывают друг друга левой рукой, а правой наносят удары в таком темпе, что невозможно даже перевести дыхание. Потом они бросают копыя и переходят к кинжалам» (Адами, 1991: 132—133).

В прошлом многие женщины принимали участие в состязаниях по фехтованию на копьёх наравне с мужчинами. В фольклорных источниках копьё часто является единственным оружием женщины-мстительницы. Поражения в поединке с женщиной были весьма плачевны для мужчины:

По древним обычаям чукчей мужчина, побежденный в поединке женщиной, принимал на себя всю тяжесть презрения сородичей и соратников, если победительница сохраняла ему жизнь. В подобных случаях побежденный просил

женщину-победительницу заколоть его копьем или взять к себе в мужа или в пастухи (Сказки и мифы народов ..., 1974: 617).

Кроме того, фехтование на копьях было чрезвычайно развито на Северо-Востоке. По свидетельству знаменитого этнографа В.Г. Богораза, во время межплеменных войн на Севере сражение на копьях было самым распространенным видом боя (Богораз, 1991: 91).

Другой разновидностью колюще-режущего древкового оружия воинов Сибири и Дальнего Востока является *пальма*. Это самобытное оружие в виде большого металлического ножа, прикрепленного к длинной рукоятке. Иначе говоря, оно представляет собой нечто среднее между копьем и алебардой. Длина древка колебалась от 120 до 180 см, а длина клинка — от 30 до 80 см. (Рис. 3) Впрочем, название *пальма*, или *палемка*, имеет русское происхождение. Народности Дальнего Востока называли такое оружие иначе: удэгейцы — *хогдо*; эвенки — *кото* или *уткэн*; орочи — *хогдо*; ороки — *дарги*, *синасу* (Сравнительный словарь ..., 1975: 199, 418, 416; 1977, т. 2, с. 91). Интересно, что у нанайцев это же слово употреблялось для обозначения шаманского посоха. Эвенкийское влияние на народы Севера в этой области можно проследить по названию пальмы. Например, эвены пользовались схожим с эвенкийским термином *откэн*. У многих народностей существовало по 2—3 разновидности *пальмы*. У якутов, заимствовавших пальму у эвенков, имелось несколько её разновидностей: *батас* с длиной клинка в 50—70 см, *батыга* — клинок 30—40 см и *хотокоон* — с клинком в 15—20 см.

Пальма одновременно заменяла нож, топор и копые. Едучи верхом на олене, эвенки расчищали пальмой дорогу в тайге. Ловкий тунгус, с маху срубив пальмой небольшое деревцо, успевал еще раз перерубить его во время падения на землю. Енисейские тунгусы нередко выходили с пальмой на медведя, но добавляли к ней железную перекладину у основания древка. Перекладина не позволяла зверю дотянуться до охотника, что подчас случалось у кетов, пальма которых не имела такой перекладины. Это небольшое добавление к тунгусской пальме превращало её в «рогатину».

Пастухи у эвенков даже в 1962 г. пользовались пальмами во время езды верхом на оленях. Она служила орудием, с помощью которого они пробирались сквозь таежную чащу. При неожиданной встрече с медведем человек первым делом стремился выколоть зверю пальмой глаза. О том, насколько ловко умели использовать пальму эвенки, в 60-е гг. XIX века писал известный охотник А.Черкасов: «Орочоны так ловко действуют пальмой, что, срубив ею небольшое деревцо с одного раза, успевают перерубить его

пополам во время падения, не допустив коснуться земли» (Манздяк, 2002: 257).

Для техники работы пальмой характерны круговые сметающие удары, рубящие и режущие удары с захватом древка рукой почти возле самого лезвия, а также различные варианты подрезаний. Применялись также колющие удары. Техника работы пальмой хорошо представлена в легендах и преданиях: «Наше было особенно толстая пластина из крепчайшей мамонтовой кости, так как когда стрелы кончались, хватались за «баты» и рубили друг друга, стремились голову срубить» (Окладников, 1949: 102); «Когда они стреляли в него из луков, он ловил стрелы руками, когда кололи пальмами, зажимал их в подмышках и вырывал из рук» (Ксенофонтов, 1992: 276);

После игры эти два человека стали, шутя сражаться на пальмах. Один ложится на землю. Другой рубит ему ногу пальмой. Тот оттягивает ногу, и пальма рубит мимо. Потом по голове рубит один другого пальмой. И тоже голову отводит лежащий и промахивается ударяющий. Еще и так играли: один на голову становится, другой рубит пальмой по шее; тот вскакивает на ноги, и пальма рубит пустое место под ним, пока он в воздухе (Мифологические сказки ..., 1976: 196).

По-своему уникальным оружием охотника-воина являлся нож. С ним он не расставался в течение всей своей жизни. Нож *мэнки*, постоянно использовался в быту и на охоте, он также входил в экипировку воина (Сравнительный словарь ..., 1975: 570). Наиболее распространены были ножи двух типов — с прямым и изогнутым лезвием.

Русские первопроходцы XVII—XVIII вв. отмечали широкое применение ножей в драках. Эта традиция сохранилась и в XX в., о таких случаях у нивхов писал Л.Я. Штернберг:

Так, гильяки (нивхи) имеют обыкновение бороться, и вот во время борьбы противники приходят в такой азарт, что хватаются за ножи. Вообще гильяк хватается за нож при первом раздражении, но он далеко не так скоро прибегает к своему оружию как южанин. Страх перед русским правосудием благотворно действует на него в этом отношении. Гильяцкие юноши перед вступлением в борьбу стали бросать от себя ножи, боясь увлечься (Штернберг, 1933: 15).

Из этого описания видно, что в прошлом во время состязаний по борьбе нож не отстегивался.

Обычай использования ножа в борцовском поединке, вернее в его заключительной фазе, уходит вглубь веков. Фольклорные источники пестрят описаниями того, как один из соперников, опрокинув другого на землю,

закалывал его ножом. Подобное убийство допускалось при борьбе за женщину. Применение ножа после опрокидывания соперника на землю было связано с распространенным в прошлом обычаем скальпирования:

Скальп являлся знаком доблести воина. Пережитки этого обычая сохранились и по сие время в играх. Играющие делятся на две партии врагов. Борются попарно. Победивший проводит ножом вокруг головы побежденного и вырывает пучок травы около головы. Этот пучок он несет в свой лагерь со словами «Я силен. Я его убил, кожу с головы снял. Кожа с головы, вот!» (Чернецов, 1935: 141).

Обычно схватка на ножах была насыщена уклонами, нырками, прыжками. Удары наносились прямым и обратным хватом. В поединках нож иногда использовался как парное оружие. При этом удары наносились и рукоятью ножа.

Ножом представители дальневосточных народов умели не только колоть и резать, но и с поражающей точностью метать его. Например, в одном из негидальских преданий герой, преследуя врага, прицельно метает нож в сухожилие ноги, чтобы лишить возможности противника скрыться (Манздяк, 2002: 264). Северные народы также использовали нож как для повседневных нужд, так и в поединках. Некоторые образцы корякских ножей схожи с ножами нижнеамурского типа. Это одно из свидетельств этнокультурных контактов народов Северо-Востока с тунгусо-маньчжурами и говорит о влиянии народов Нижнего Амура в этой области.

Практически очень мало свидетельств об употреблении тунгусо-маньчжурами и нивхами такого вида оружия как меч. Макеты подобного оружия найдены в основном в предметах вооружения шамана. К таким находкам относится шаманский меч, найденный неким негидальцем в Усть-Амгуни из собрания К.М. Форштейн-Мыльниковой. Использование меча неоднократно упоминается в преданиях и легендах. По описанию оно сходно с образцами аналогичного оружия как северных народов — палеоазиатов, так и западных соседей — монголоязычных племён. Кроме того, имеются термины, обозначающие меч, причём не как шаманский атрибут, а именно оружие. Например, у эвенков железный меч назывался *тутэко* (Никульшин, 2004: 130), у ороков — *лавтан*, *лаутан*, орочей, ульчей — *лауча* (Сравнительный словарь ..., 1975: 495). Не совсем ясно, что из себя представляло это оружие. По некоторым источникам, это прямой клинок, действительно напоминающий меч. По другим, он изогнут и похож больше на саблю. У нивхов холодное оружие типа тесака называлось *лавзас* (Сравнительный словарь ..., 1975: 495).

Возможно, в прошлом имело место заимствование мечей тунгусо-маньчжурами у других народов. Сложность состоит в том, что, например у палеоазиатов, также не сохранилось достаточного количества данного вида вооружения. В фольклоре нивхов, правда, имеется упоминание о сабле, оружии, не типичном для данного этноса. Возможно, имелся в виду именно меч, наподобие айнского, или длинный кинжал (Антология фольклора ..., 1989: 358). Одним из немногочисленных свидетельств наличия меча в качестве оружия можно считать образец, встречавшийся у нивхов. Он представляет собой прямой металлический обоюдоострый клинок длиной порядка 50 см с костяной рукояткой, полная его длина — 65 см. Наличие подобного оружия свидетельствует о достаточно высоком уровне развития кузнечного ремесла. (Рис. 4)

Условно можно отнести к мечам большой нож нивхов *товзэко* с достаточно длинным лезвием в 30—40 см. (Рис. 5) Эта форма ножа, возможно, была заимствована нивхами у айнов, а затем получила распространение среди народов Нижнего Амура. Впоследствии подобные ножи проникли и на Северо-Восток (Arutiunov, 1988: 31—35).

Установлено, что народы Северо-Востока во время войны применяли мечи длиной 50—60 см, изготовленные из ребер дикого оленя или лося, которые они носили на перевязи через плечо. Но в связи с тем, что мечи вышли из употребления еще в XVII—XVIII вв., о технике боя ими практически ничего неизвестно.

Гарды мечей ороков Сахалина и айнов имели определённое культовое значение. Оно, вероятно, схоже или перенесено с культа мечей. Это подтверждается использованием гард в качестве покровителей-амулетов и украшений. Гарды орнаментировались с помощью гравировки, инкрустации серебром, художественного литья (Плотников, 1988: 173).

Довольно долго различные способы применения меча сохранялись в шаманских танцах, некоторые из них в дальнейшем стали частью репертуара фольклорных танцевальных коллективов. Однако в целом вследствие пренебрежительного отношения к этой части традиционной культуры сохранилось очень немногое. Уже в наше время отдельные энтузиасты с большими трудностями пытаются восстановить старинную технику боя мечом.

В преданиях эвенков упоминается интересная разновидность единоборства на мечях:

Перед его началом каждый из *сонингов* приводил личного оленя-быка, которых привязывали к одному дереву как знак того, что если кто-то из вступивших в бой будет убит, то в этом никто не виновен, а быков задушат при похоронах. С утра воины расчищали от снега дорожку посередине между чумами *сонингов*. В центре втыкали крест-накрест два меча. Вызывающий на бой трижды поднимал голову и пристально смотрел на чум противника. После третьего раза тот «принимал вызов» и бросался к оружию. Кто хватал оружие первым, получал право нанесения первого удара. Ударами обменивались строго по очереди, сначала в одном конце дорожки, потом в другом, и так три раза. После этого либо силы признавались равными, либо у кого-то из сражающихся обнаруживались какие-то повреждения (раны, сломанное оружие). Тогда назывался победитель. Если один из *сонингов* был не согласен к принятым решениям, он мог предложить биться до смерти (Максимова, 1992: 97).

Меч был больше, чем просто оружие. Ему придавали магическое значение. Это подтверждают факты использования меча в камланиях шаманов. Перед сражением над мечом тоже произносили заклинания и выполняли различные ритуалы.

Меч он выбрал —
Длинный, прямой,
Наилучший среди мечей,
Было меча лезвие
Чарами напоено
Восьмидесяти восьми грозových
Мчущихся облаков.
У девяноста и девяти
Клювастых ибисов,
Отбив железных клювов концы,
Сбили их в одно лезвие
Заклинатели кузнецы.
Сварили лезвие меча
На крови из печени льва,

Потом закалили его

В желчи зубастых рыб....

Было сорок четыре

Чары в клинке,

Тридцать девять

Коварств колдовских (Олонхо..., 1975: 374—375).

Таким образом, можно говорить, что меч у тунгусо-маньчжуров имел скорее ритуальное значение. У нивхов, возможно под влиянием айнской культуры, отмечено применение мечей.

Бич в качестве оружия использовался народами, занимавшимися скотоводством. Например, эвенки были мастерами в искусстве владения бичом. Это мастерство они вырабатывали, выполняя различные упражнения: поднимали с земли или снега одним взмахом камень либо палку, вырывали чурку из рук напарника. Приобретенные навыки закреплялись в различных играх, например, в игре *типураутакурник* нужно было метко ударить длинным бичом по нужному месту. В ходе ее соперники пытались выбить бичом небольшую палочку или спичку, воткнутую в подошву торбаса, находясь при этом в постоянном движении. В другой игре бичом гоняли, швыряли и подбрасывали надутый мочевого пузыря морского животного. Отмечено также использование бича в охоте на мелких животных.

Кнут применялся в боевых действиях, в рукопашных схватках, для этого ему придавали боевой вид, вплетая металлические либо костяные зубцы и шары. В задней части кнута делалась специальная петля, позволявшая в случае ослабления кисти не выронить его. Помимо нанесения кнутом хлещущих ударов по голове и рукам, им выдергивали оружие у противника, производили захваты и т.д.

Оружие ближнего боя у тунгусо-маньчжуров и нивхов представляло из себя в основном образцы, использовавшиеся в хозяйственной деятельности и на охоте. Существовали и немногочисленные виды, применявшиеся исключительно в военном деле. Тренировки по овладению техникой включали в себя элементы, относящиеся к воинской подготовке. Тем не менее, можно сказать, что формирование и развитие вооружения тунгусо-маньчжуров и

нивхов шло в русле сложившейся традиции народов Сибири и Дальнего Востока России.

Рис. 1. Наконечники копий.

А – МАЭ: колл.36571. Б – МАЭ: колл. 44424-40. В – МАЭ: колл. 5530-198.

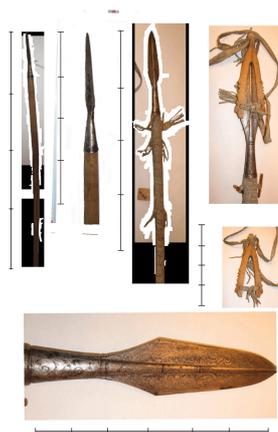

Рис. 2. Копья.

А – МАЭ: колл. 5530-107 (нанайцы, эвенки). Б – МАЭ: колл. 313-11 (нанайцы).

Рис. 3. Пальма.
А – МАЭ: колл. 5334-17. Б – МАЭ: колл. 344-48а (нанайцы).

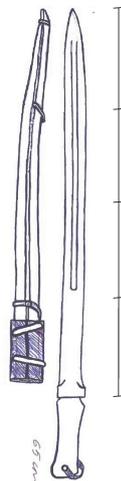

Рис. 4. Меч с костяной рукояткой.
РЭМ: колл. 276 а, б (гиляки – нивхи).
Рисунок автора.

Рис. 5. Ножи нивхов и коряков.

А – Нож и ножны. МАЭ: колл. 36-162 а, б (нивхи). Б – Нож и ножны. АМNH – American Museum of Natural History 70/3441 (коряки).

BIBLIOGRAFIJA

Adami R. Zametki o pervobytnom obshhestve u ajnov // Kraevedch. bjulleten'. — Juzhno-Sahalinsk, 1991. — № 3. — S.122—144.

Antologija fol'klora narodnostej Sibiri i Dal'nego Vostoka. — Krasnojarsk: Krasnojarsk. kn. izd-vo, 1989.

Bogoraz V.G. Chukchi. Ch. 1: Social'naja organizacija. — L., 1934.

Bogoraz-Tan V. G. Vosem' plemjon: Chukotskie rassказы. — M., 1961.

— Material'naja kul'tura chukchej. — M., 1991.

Butanaev V.Ja. Stepnye zakony Hongoraja — Abakan: Izd-vo Hakasskogo gos. un-ta im. N.F. Katanova, 2004.

Voskobojnikov M.G. Jevenkijskie narodnye predanija—ulguril // Uchjon. zapiski Leningradskogo gos. ped. in-ta. im. A.N. Gercena. — L., 1965. — T. 269. — S.16—53.

Kile P.K. Nanajskie nacional'nye igry. — Otaru: Lingvisticheskij centr kommercheskogo instituta g. Otaru, 1993.

Ksenofontov G.V. Uraanghaj-sahalar: Očerki po drevnej istorii jakutov. — Jakutsk, 1992. — T. 1.

Maksimova I.E. Voennoe delo u symsko-ketskikh jevenkov // Voprosy jetnokul'turnoj istorii narodov Zapadnoj Sibiri. — Tomsk, 1992. — S. 97—123.

Mandzjak A.S. Voinskie tradicii narodov Evrazii. — Minsk; — M., 2002.

Mifologicheskie skazki i istoricheskie predanija nganasan. — M., 1976.

Nikul'shin N.P. Jetnograficheskaja jekspedicija k symskim jevenkam 1940 g. (Predvarit. otchjot) // Materialy polevyh jetnograficheskikh issledovanij. — Sb.: MAJe RAN, 2004. Vyp. 5.

Okladnikov A.P. Istoricheskie rassказы i legendy Nizhnej Leny // Sbornik MAJe. — M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1949. — T. 1.

Olonho. Jakutskij narodnyj jepos // Geroicheskij jepos narodov SSSR. — M.: 1975. — T. 1.

Plotnikov N.V. K voprosu ob ajnskich gardah // Ajny: Problemy istorii i jetnografii: (Jetnogr. Issled. Sahalinskogo obl. kraeved. muzeja. — Juzhno-Sahalinsk, 1988. — Vyp. 6. — S. 168—175.

Skazki i mify narodov Chukotki i Kamchatki. — M., 1974.

Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskikh jazykov: Materialy k jetimologicheskomu slovarju. — L., 1975. — T. 1.

Fol'klor udjegejcev: nimanku, tjelungu, ehje. — Novosibirsk, 1998.

Chernecov V. Vogul'skie skazki: Sbornik fol'klora naroda mansi (vogulov). — L., 1935.

Shternberg L.Ja. Sem'ja i rod u narodov Severo-Vostochnoj Azii. — L., 1933.

Arutiunov S.A. Koryak and Itelmen: Dwellers of Smoking Coast // Cross Roads of Continents. Cultures of Siberia and Alaska. Publised by the Smithsonian Institution Press, 1988.